

Тяпси  
Мильви-Елизавета Карловна



Мильви

*Воспоминания из своей жизни  
оставляю своим детям,  
внукам, правнукам...*



Мильви

Родилась я в 1932 году 10 июля в Эстонии, в небольшом городе Пецери (Печора). Сейчас этот городок Псковской области. Назвали меня Мильви, в честь эстонской актрисы.

Родилась я в 1932 году 10 июля в Эстонии, в небольшом городе Пецери (Печора). Сейчас этот городок Псковской области. Назвали меня Мильви, в честь эстонской актрисы.

Мой отец Карл Тяпси, родился 26 апреля 1894 году в г.Тарту. Закончил Тартуский университет, работал в г. Пецери юристом по внешней политики. Он хорошо владел русским языком.

Мама моя, Эльспет Хакман из деревни Лосу (район Выру), родилась в 1908 году 7 августа. У нее была большая семья, пятеро детей, она была старшая. Отец мамы обанкротился, и вскоре



Эльспет Хакман

пришлось продать хутор и они уехали в город Выру. С собой отец взял младшую дочь Ирену, остальные должны были сами искать себе работу. Мама моя нашла себе работу в г. Пецери. Ее взяли к себе семья Оясоон. Она работала кухаркой и няней. Семья была хорошая, маму полюбили, от работы она не отказывалась. Была "крепкой" деревенской девушкой, ей было всего 17 лет. Жила на втором этаже, с печным отоплением в деревянном доме, без водопровода. Воду носила издалека на коромыслах. В этой семье была одна дочь, затем родилась вторая. Мама успевала делать работу на кухне и нянчиться с детьми.

Мой отец работал вместе с ее хозяином и часто они его приглашали в дом на обед. Отец был старым холостяком и ему понравилась симпатичная девушка, моя мама. Прошло несколько лет, и они поженились. Маме было 23 года, папе 37. Венчались в лютеранской церкви в 1931 году. Мама стала теперь хозяйкой в своей семье. Не работала, но вскоре родилась я. Папа звал маму Эльви. Они прожили счастливой жизнью всего 10 лет. Мама говорила, что это самые счастливые годы в ее жизни. В этом городе мы прожили до страшного пожара, сгорел и наш дом и все деревянные дома в округе. Мне было уже 7 лет, и я с теплом вспоминаю этот городок. В городе был православный, очень старинный монастырь и мы с мамой часто днем заходили в монастырь. Монахи были одеты во все черное, проходя, мимо они гладили меня по голове и мне было не страшно.

Мама не работала, но я ходила в детский садик, как в нулевой класс с 9 утра до 3 часов. Были две группы, в старшей учили читать, писать. В школу принимали с 8 лет и дети уже должны были уметь читать и писать.

Когда мне исполнилось 7 лет, то папу по работе перевели в большой город Тарту. В этом городе жила моя бабушка (папина мать) Она жила в доме, который построил мой дед, к нам бабушка не хотела переехать жить, но я часто была у нее. Бабушка была верующей, и мы часто с ней ходили в лютеранскую церковь.

Но недолго мы жили своей эстонской властью. К нам пришла Советская власть. В 1940 году в августе мы с мамой гостили у бабушке в Выру. Вдруг соседи закричали, что танки идут. Мы вышли на улицу, и я видела, как по дороге идут Советские танки. Наступили трудные времена.

Мы, Эстония присоединились к советской стране. Моего отца сразу освободили (выгнали) с работы, в магазинах исчезли продукты. Помню, мама посылала за сахаром в один магазин, а затем во второй, так как давали по пол кило. Отец не работал (на работу нигде не брали), временно разгружал вагоны на станции. Мама тоже выгружала извесь, вместе с нашими знакомыми. Но вскоре все "перевернулась"

14 июня 1941 год. Утром рано, было еще темно, к нам постучали чужие мужчины, а когда я проснулась, увидела (у нас уже была одна спальня), отец сидел с поднятыми руками, а перед ним стоял мужчина с револьвером. Мама плакала. Отец оделся и сел за стол, не двигаясь, а мужчина держал револьвер перед ним. Нам приказали одеваться, взять вещи (50 килограмм) и выходить на улицу. А мама достала окорок копченый из кладовки и думала, что больше ничего брать нельзя, но другой мужчина стал помогать собирать вещи. Он расстелил простыню и стал складывать вещи. Мы с мамой благодарны мужчине (он был эстонец), так как потом мама обменивала вещи на продукты. Они помогли нам выжить первые годы в Сибири.

Папа сказал, берите теплые вещи, но увы, у нас их не было. Сборы были короткие. Нас вывели и посадили в кузов грузовой машины. Я последний раз видела отца! Везли на вокзал, отец сказал маме, что бы учила дочь, как сможет.

В Эстонии при Советской власти я закончила первый класс на своем родном языке (эстонском).

Машина остановилась возле товарного вагона, никого в вагоне еще не было. Я сразу залезла на верхнюю полку возле окна с решеткой. Полки были из досок. Отца повезли дальше в другой поезд. Больше мы не виделись.

Еще сутки мы стояли на вокзале города Тарту. Вагон заполнили женщинами с детьми. Дети были разного возраста. Везли нас целый месяц до Новосибирска. Но одна остановка была. Нас выгрузили в склады на станции "Каркат" Новосибирской области. Склады были пустые. Наверно здесь хранили муку. На улицу можно было выйти только в туалет, но туалет был один маленький на одного человека. Очереди были длинные, но стоял солдат с винтовкой, никуда не пойдешь. Двое суток мы были в этом складе. Спали на полу, у кого что было, стелили, а пол был грязный. И снова нас погрузили в такие же вагоны и так доехали до пристани Оби в Новосибирске. Недолго были мы на пристани. Пришел большой колесный пароход (купеческий Карл Маркс) и нас посадили, не в каюты, а на палубу. Мы сели на свои вещи, ехали несколько суток до районного центра Александрова, уже Томской области. Все на север, в края, о которых мы не знали. Тогда я и не предполагала, что вся моя жизнь пройдет в Томской области.

10 июля 1941 год. Когда я проснулась, еще пароход стоял и нам сказали, что приехали. Мама поздравила меня с 9-летием, в руке у нее было несколько шоколадных конфет. После этого я конфеты долго, очень долго не видела. Для нас началась война на выживание. Подошла к пароходу большая лодка и нам приказали вещи грузить и сесть на них. Хорошо помню, что была женщина, у которой был маленький ребенок на руках, а из вещей только маленький узелок. Как она выжила или не выжила?

Лодку зацепил катер, и поехали мы в колхоз имени Свердлова, поселок Тополевка. Дорогой узнали и встретили первых комаров. День был очень жарким, солнечным. Для меня все было новое и непонятное. Но я была ребенком, а маме приходилось

очень трудно.

Причалили к поселку, выгрузились на берег. Нас встретили двое мужчин, вроде начальники и стали распределять по домам. А домики в поселке были небольшие, комнаты вместе с кухней, но у всех были русские печи. Мы были последние, всех уже распределили. Мы стояли одни с женщиной (не помню имени) с ребенком лет 5. Женщина хорошо говорила на русском языке. Мы с ней пошли смотреть дом, куда нас распределили. А мама с вещами осталась на берегу. Когда мы зашли в дом, то женщина сказала, что мы лучше будем на улице. Мебель была самодельный стол, кровать деревянная, лавка, даже штор не было на окнах. Мужчина, который распределял, сказал, что пойдете ко мне, а утром видно будет. Он был продавцом. У него тоже была очень маленькая комнатка, и дочь 16 лет. Он с женой ушел спать в магазин, двери были сразу из комнаты в магазин. Все мы поместились и переночевали, а утром нам нашли квартиру.

В первое лето сразу стали умирать маленькие дети. Я помню, первую девочку 4 лет хоронили без гроба, просто завернули в простыню.

На этой квартире мы прожили три года, пока не построили свой домик. Потолок и крыша были из жердей, а на них положили бересту больших кусков. Затем насыпали землю. Летом на крыше выросла крапива и лебеда и мы варили суп из нее. Но со временем береста высохла, и когда был дождь, то и дома был дождь. Русские люди встретили нас хорошо, их тоже в 1931 году выслали с Алтайского края, как кулаков. У них были две коровы и лошадь, и их выгрузили прямо в тайгу. У хозяйки Неверновых было семь детей, в живых осталось только двое, всех похоронили. До 1937 года они построили хороший колхоз, были куры, овцы, свиньи, коровы. Но сверху пришел приказ, и с каждой семьи колхоза забрали мужчин и увезли неизвестно куда. Зачем? Но не так давно, лет 6 назад, в Колпашево стал яр обваливаться, а там милиция и люди увидели человеческие кости и они поплыли по

Оби. Вот так надеваюсь над людьми.

Мама у меня была сильная, она все умела делать, и ее оставили в колхозе. Всех городских эстонцев увезли в Александрова и там открыли рыбный завод. В Александрова была школа, и можно было учиться до 10 классов.

В начале, где-то с год нам давали хлеб 200гр взрослым и 100 гр детям, а потом отказали. И магазина не стало. Но нам стали давать зерно ржи, в колхозе ее сеяли. Но как-то надо было зерно измельчить. Но люди освоили и это производство. Брали круглый камень очень тяжелый с палкой, внизу был другой камень, и крутили как мельница. Я маме помогала, да и кушать очень хотелось. Голод, который пережили, до сих пор забыть не могу. И я благодарна судьбе, что выжили, что сейчас не ощущаю голода. Это надо все пережить, тогда поймешь.

Я училась в 7 классе в Новоникольске, это 30 километров от нашей "лесоточки". У нас не было деревни, так как лес возили на лошадях, далеко не увезешь и приходилось часто переезжать с одного леса в другой. А место это называлась "лесоточка". Вначале мы жили в бараке. Было два барака: кадровый и для колхозников. Был магазин, хлебопекарня, контора, баня и несколько избушек, где жили кадровые рабочие, у кого было много детей. Жили они в ужасном положении, только стол, печь и кровать деревянная. Они все были русские, только под комендатурой.

Из колхоза в 1946 году маме удалось уехать в леспромхоз. Ее чуть за то, что собралась уезжать не посадили, заступился фронтовик. В леспромхозе была только работа на валке леса, но давали за работу деньги и карточки на хлеб и одежду. Работа была у мамы очень тяжелая. Как можно было выдержать? Целый день в лесу в снегу, летом комары и она валила лес одна пилой. Когда дали деньги, и первое, что купила мама это ткань и сшила полог. Кто не знает, что такое комары, не поймет. Они везде и скрыться от них невозможно.

Маме за хорошую работу дали в колхозе корову. Я уже училась за 30 километров в Новоникольске. Училась три года 5, 6, 7, класс. Помочь маме не могла, а она после работы должна идти кормить и доить корову. Я помню, какие были сильные морозы, а мама шла валить лес. Просто до сих пор не могу поверить, как моя мамочка все это пережила. Потом мне морозила молоко, варила картошку и делала клубки. И это все посылала мне в интернат. В интернате была комната для девочек и мальчиков отдельно. Спали на "топчанах" вместо кроватей, лампа и стол это вся наша мебель. Да, и кухня была, где готовили еду себе, что у кого было. Школа была большая, широкий коридор, он же зал, по бокам были классы, учительская и пионерская комната. На переменах мы играли и пели.

Я была уже переростком, сама себе нашла жилье. В колхозе я закончила 4 класса, но зимой не каждый день ходила в школу, не было обуви, только мамины боты на высоком каблуке. Они были резиновые. Морозы были сильные. Но мамочка старалась меня учить. В те времена семь классов была роскошь. Обязательно было 4 класса. Но у нас на точке не было школы, мы как цыгане переезжали с места на место, где лес был ближе. Каждый день вспоминаю мамочку и плачу, так мне ее жалко. Удивляюсь до сих пор, как это все можно было перенести. Но в семье ее тоже не баловали, она была старшая.

У нас была учительница немка, также высланная, очень хорошая Гольфрид Дора Александровна Муж у нее был врач, ездил по деревням, лечил людей. Но на Оби был сильный вал и он утонул. Когда немцы подходили к Москве, создан был приказ, что все немцы-русские должны были работать только лопатами. Учительницу нашу уволили, дети сильно переживали. И ее сына уволили с работы и его жену выгнали с комсомола и уволили. Как жить?

Когда я ем шоколад, то этот вкус не так мне нравится. Но когда мама присылала мне деньги и я с одним рублем бежала на



большой перемене в маленький продуктовый магазин (недалеко от школы) и на него покупала небольшой кусочек черного, черного хлеба. Прибегала в школу и кушала этот кусочек хлеба. Какая я была счастливая! Я этот вкус хлеба пронесла всю свою жизнь, поэтому, когда ем шоколад, но не так вкусен он, как тогда этот кусочек черного хлеба. Так благодарна мамочке, что она могла мне дать какие-то деньги. Не у всех детей тогда была такая возможность.

После "маминых бот" в которых я ходила в теплые дни в школу, маме удалось на квашеную капусту выменять мне ботинки у немцев-русских. Их позже привезли в Тополевку, поэтому вещи у них еще были. Вы бы посмотрели на меня! Какая это была радость! Я иду, иду и опять останавлиюсь и смотрю на ноги, на ботинки. Они появились через много лет, наверно радоваться этому сейчас мы так не умеем. И как-то маме удавалось меня довольно хорошо одевать? У меня была лучше всех платье-форма коричневая в очень мелкий белый горошек, а белые воротнички и манжеты я стирала и пришивала сама. И ткань была не простая.

Так как у отца был талант к рисованию, то это мне передалось. А школе меня учителя просили писать крупно на плакаты разные правила. Я училась в 7 классе когда закончилась война и в школе состоялась выставка. Из учителей кто-то принес плакат и немного акварельных красок, и я крупно с картины нарисовала "Три богатыря". Увидев картину, директор школы сказал, у меня талант, и я должна обязательно учиться дальше. Увы! Куда я пойду учиться, когда мы с мамой под комендатурой. Да, до Александрова, (где была школа с 10 классами) было 250 километров и никакой дороги. Вот этим и кончилась моя учеба. Мне уже шел 19 год, нашу "лесоточку" опять закрыли и надо было ехать в другой район с Александровского в Каргасокский, а мы под комендатурой. Шел 1950 год,

Начальство ругались, рабочих никто отдавать не хотел, мы же были как заключенные без документов. Полностью

подчинялись им, вот так кончилась моя учеба, но я очень хотела учиться дальше. Зимой я была дома, маме стало легче, помогала ей по хозяйству, но работы для меня не было.

Наконец-то начальство разобралось, русских освободили из под комендатуры и они уехали. Остались одни немцы, да мы с мамой, эстонцы.

С нами рядом жила семья "немцев русских" Рольгейзер, сосланных с Саратова. Старший сын Анатолий был женат, была дочь Надя. А младший Виктор работал брокером (лес принимал). Жили они с мамой. Мы с ними еще в колхозе были знакомы. Дочь Катя, окончила медицинское училище в Саратове, была медицинской сестрой, но ее на работу не брали, она не русская.

Катя нашла работу на другой "лесоточке" и уехала. Но мы были молоды и меня просватали за соседа Виктора. Он был хороший, умный парень, и он перешел к нам жить.

Мы не расписывались, просто без всяких документов. В то время коров приезжали, переписывали, а людей даже не регистри-



Виктор Рольгейзер

ровали. Жили мы с Витей хорошо, у нас была маленькая избушка, мама купила у русских, которые уехали. Виктору было 23 года, а мне 19 лет. Так началась моя семейная жизнь, но не долго, мы жили вместе. Всех рабочих стали увозить в другой район. Мама и Витя были под комендатурой, поэтому их забрали. Нас "иждивенцев" оставили здесь на месте с хозяйством. Зимой я жила вместе с Витиной мамой. Она была женщиной хорошей, доброй. По национальности

русская, сослана из Саратова. В январе родилась у меня доченька Галочка. Такая хорошая девочка была, но не судьба ей жить. Мы уже жили все вместе на другом месте в лесу, дочка заболела, врачей не было, а медсестра понять не могла, что с доченькой. Галочка родилась с зубником и бабушки говорили, что через год она умрет или ты. Так оно и было, пять дней не дождала до года. Похоронили с бабушкой на высоком месте, недалеко от берега близ поселка Вертикос. Витя, перед отъездом, сварил железную оградку на могилки. Место тихое, красивое. Вот они вдвоем и лежат в тайге.

Семь лет мы жили в тайге, возле реки. В 1953 году родились двойняшки Света и Юра. И опять мама мне помогала во всем. С двумя детьми было очень трудно. В 1955 году родилась Лида. Я не работала, сидела с детьми. У нас было десять домов, бараки, магазин, пекарня и баня. Работы женщинам не было, и мы вели хозяйство, были коровы и небольшой огород. Мы вышивали, вяза-



Миальви с детьми

ли. Я даже одеяло выстигла из ваты. Уже появилась ткань в магазине, и мы стали одеваться. Сами шили на себя и на детей. Помню, Витя получил "отпускные" деньги и мы выписали из Подольска швейную машинку. Жизнь шла на улучшение. На праздники пекарь дядя Яша из Саратова пек торты и очень вкусный хлеб.

В 1960 году мы переехали в поселок Вертикос. Появилось у нас электричество, потолки были высокие, окна большие. Как мы

были рады. Света с Юрой пошли в школу, Лида в детский сад. Все стало хорошо. Я с 1963 по 1982 год работала заведующей сельским клубом. Было поставлено более 200 спектаклей, пьес. Каждый год ездили по деревням, выступали. Опять мама во всем помогала, хотя сама работала.

Мама высаживала возле дома много цветов, всегда было красиво и дети в школу шли с большими букетами.

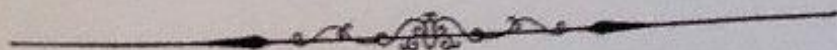
В 1976 году купили дом в городе Томске. В доме жили дети - студенты, затем переехала в этот дом моя мама с правнуком Димой.

В августе 1983 года мы переехали в Томск. Мои дети закончили институты. Света осталась в Томске, Юра уехал в Подмосковье, Лида в Челябинске.

У меня был хороший муж Витя, хорошая семья - дети. И очень, очень я благодарна маме! Как она мне во всем помогала! Я помню голод, холод. Я помню все! И хорошее и плохое. И говорю сейчас, спасибо судьбе, что дожила до 90 лет. Даже не верится. Все же я считаю себя счастливой! У меня 9 внуков, и одна правнучка. Я не хочу, чтобы они повторили похожую тяжелую судьбу. Я хочу, чтобы все были счастливы!



Эльспет с внуками





Виктор с внуками Димой и Сережей

В сквере памяти жертв большевистских репрессий в г. Томске установлен камень памяти с выгравированным синим цветочком василька. Это мероприятие было проведено в один из трех дней культуры Эстонии в России. Этот цветок останется в Сибири навечно, как многие эстонцы, погибшие от большевистских репрессий.

---

Папа: Рольгейзер Виктор Иванович (4 октября 1928 года)  
Мама: Тяпси Мильви - Елизавета Карловна (10 июля 1932 года)  
Хакман - Тяпси Эльспет Даниловна (7 августа 1908 года)  
Тяпси Карл Александрович (Юхан) (26 апреля 1894 года)

---